

Никулин Александр Алексеевич*, ведущий научный сотрудник Центра экономических исследований РИСИ.

Сырьевой сектор как фактор устойчивого экономического роста

Крайне неравномерное распределение месторождений различных видов полезных ископаемых по поверхности Земли, сопряжённое с геологическими процессами, поднимает острые геополитические проблемы в современном мире, в том числе относящиеся к доступности ресурсов и конъюнктуре глобального сырьевого рынка. Добыча и переработка минерального сырья и последующее производство промышленных товаров также распределяются весьма дифференцированно по разным регионам мира, что обостряет эти проблемы.

Более того, в начале XXI в. динамично развивающиеся экономики¹ перешли на новый курс индустриального развития, направленный на ускорение экономического роста и укрепление международной конкурентоспособности, расширение и диверсификацию торговых связей, обеспечение взаимодействия в целях инновационного роста, и фактически присоединились к ведущим постиндустриальным странам Северной Америки, Европы и Японии — основным потребителям минеральных ресурсов².

Де-факто это сыграло главную роль в развитии конъюнктурных показателей глобального сырьевого рынка и ценового ралли, динамика которого замедлялась только на пике экономического кризиса 2008–2009 гг. и в период с 2014 г. по настоящее время (на фоне украинского кризиса и связанных с ним неадекватных мер Запада в отношении России). При этом динамичное развитие стран с переходной и быстрорастущей экономикой, научно-технический прогресс и неизбежный переход на новый технологический уклад, рост мирового народонаселения — это далеко не все, но, пожалуй, главные драйверы будущего роста глобальных сырьевых рынков.

* aanik60@mail.ru

¹ К их числу эксперты относят прежде всего такие страны, как Бразилия, Китай, Индия, Россия, ЮАР. При этом в качестве наиболее яркого представителя, демонстрирующего эту тенденцию, называется Китай, который за последние 15–17 лет стал крупнейшим в мире потребителем алюминия (около 40 % мирового потребления), меди (38 %), свинца (44 %), никеля (39 %), олова (41 %), стали (45 %) и цинка (43 %).

² Hilpert H.G., Midner S.A. Country Selection and Results // Fragmentation or Cooperation in Global Resource Governance? A Comparative Analysis of the G-20 // SWP Research Paper / SWP; BGR. Berlin. 2013. March. P. 17. URL: https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/research_papers/2013_RP01_hlp_mdn.pdf (дата обращения: 10.10.2017).

По прогнозам, численность населения в мире возрастёт до 10,9 млрд чел. к 2100 г., увеличившись более чем на 50 % с 2013 г. Наивысшие темпы этого демографического роста будут наблюдаться в развивающемся мире. Устойчивое развитие постиндустриальных экономик Запада, беспрецедентный уровень урбанизации, промышленного и технологического роста, особенно в динамично развивающихся странах, потребуют, по мнению экспертов Геологической службы Великобритании (British Geological Survey, BGS), пропорционального роста потребностей в сырьевых ресурсах. При этом BGS отмечает, что анализ ситуации в сфере ресурсного обеспечения глобальной экономики за последние 20 лет свидетельствует о не имеющем аналогов росте спроса, сопровождаемом повышением стоимости, в сочетании с периодически возникающим дефицитом предложения³.

Изменение структуры спроса, сильная экономико-географическая концентрация поставок, вмешательство в рыночные отношения политической составляющей и явного протекционизма, усиление экологических требований, а также политические и социально обусловленные конфликты во многих странах — производителях сырьевых ресурсов ещё больше обостряют ситуацию на глобальных рынках. Более того, сырьё стало привлекательным объектом финансовых спекуляций. Из-за исчерпания некоторых высокопродуктивных горнодобывающих проектов, высоких затрат на разработку новых месторождений, длительных фазовых сроков от их разведки до ввода в строй и высоких инвестиционных рисков глобальная цепочка поставок не смогла быстро адаптироваться к растущему спросу и ценам. Как следствие, последний сырьевой бум (с 2003 по начало 2012 г.) оказался самым длительным с 1945 г. и не имеет прецедентов в современной истории по динамике роста цен. Например, цена тонны меди, которая в январе 2003 г. составляла около 1683 дол., в январе 2011 г. превысила 9554 дол. Цена железной руды выросла с 12,68 дол./т до 187,18 дол./т за тот же период⁴. Как уже отмечалось, с конца 2011 до середины 2012 г. на рынках наблюдался спад, а затем цены на важные промышленные минералы снова возросли.

Это привело к тому, что правительственные структуры и государственные органы ведущих стран мира были вынуждены принимать меры по пересмотру сырьевых стратегий и адаптации программ сырьевого обеспечения национальных экономик к новым рыночным реалиям. Стратегические цели и инструменты национальной политики в отношении сырья варьируются. Различия в подходах обусловлены имеющейся в каждой конкретной стране минерально-сырьевой базой и обеспеченностью основными видами ресурсов, уровнем экономического и индустриального

³ *Lusty P.A.J., Gunn A.G.* Challenges to global mineral resource security and options for future supply // Geological Society. London. P. 265–276. URL: <https://doi.org/10.1144/SP393.13>; <http://sp.lyellcollection.org/content/393/1/265> (дата обращения: 20.02.2017).

⁴ *Hilpert H.G., Midner S.A.* Introduction: Global Raw Materials Markets — National Raw Materials Policies // Fragmentation or Cooperation in Global Resource Governance? A Comparative Analysis of the G-20 // SWP Research Paper / SWP; BGR. Berlin. 2013. March. P. 11. URL: https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/research_papers/2013_RP01_hlp_mdn.pdf (дата обращения: 10.10.2017).

развития, внутренним спросом и степенью зависимости от международных рынков. Соответственно интересы стран-потребителей и производителей резко контрастируют.

Государства, зависящие от импорта, в первую очередь заинтересованы в обеспечении надёжных поставок полезных ископаемых и металлов по доступным ценам и применяют широкий спектр мер для обеспечения этого. В частности, используют явно протекционистские меры, добиваясь эксклюзивных контрактов на поставку или поддерживая интересы национальных предприятий при проведении торгов по контрактам за рубежом. Зачастую они стремятся к диверсификации источников поставок. При этом в ходе экспансии на новые сырьевые рынки они продвигают свои интересы в процессе формирования партнёрских отношений и используют такой чувствительный для развивающихся стран механизм, как социально-экономическая поддержка и инвестирование в подготовку кадров, инфраструктуру и, конечно, в саму горнодобычу. Немаловажное значение имеют и такие механизмы обеспечения сырьевой безопасности, как формирование резервных фондов и стратегическое накопление запасов, чтобы стать менее уязвимыми в случае сбоев поставок, а также разработка альтернативных материалов, по своим характеристикам приближающихся к дефицитным видам ресурсов, совершенствование технологий переработки сырья и повышение эффективности его использования.

Интересы, а главное — возможности богатых ресурсами стран более разнообразны, сильно различаются механизмы управления горнодобывающим комплексом и стратегии использования минерально-сырьевой базы. Некоторые государства, представляющие эту группу, заинтересованы в максимизации экспорта как основного инструмента пополнения бюджета, в то время как другие переориентируют сырьевые потоки на обеспечение внутренних потребностей, т.е. стремятся увеличить вклад сырьевого сектора в устойчивое развитие.

Новые экономики, являющиеся одновременно и крупными производителями, и потребителями минерального сырья, стоят перед проблемой формирования сырьевой политики, сочетающей интересы промышленного роста и требования сбалансированности показателей производства и потребностей национальной экономики в природных ресурсах и, как правило, учитывающей необходимость участия в мировой системе торговли ими.

В некоторых случаях сырьевая политика в значительно большей степени преследует внутри- и внешнеполитические цели в угоду принципам экономической целесообразности и стратегии устойчивого роста, хотя изначально в её основе лежит принцип повышения конкурентоспособности национальной экономики. При этом минерально-сырьевые ресурсы находятся в сфере национальных интересов во всех странах мира вне зависимости от уровня их социально-экономического развития, а в сырьевом секторе государство и структуры с его участием практически повсеместно и на протяжении доступной исторической ретроспективы всегда имели и имеют широкое представительство и полномочия.

Вместе с тем с начала 2000-х гг. наметилась тенденция более активного участия государства в тех или иных формах в развитии горнодобывающей промышленности и управлении природными ресурсами. Это характерно как для постиндустриальных, так и для развивающихся стран и как для "ресурсодефицитных", так и для "ресурсоизбыточных" экономик,

поскольку сырьевой сектор играет всё более значимую роль в обеспечении экономической конкурентоспособности и безопасности любого субъекта мирового сообщества. Целый комплекс исследований подтверждает тезис о том, что природные ресурсы, как и физический и человеческий капитал, стимулируют экономический рост. Точно так же "изобилие", а скорее "самодостаточность" экономики, в природных ресурсах является базисом для этого роста и в принципе подтверждает тот факт, что страны, богатые природными ресурсами, имеют больше возможностей для того, чтобы обеспечить уровень и темпы экономического развития, гораздо более высокие, чем экономики с ограниченным сырьевым обеспечением⁵.

Однако понятно, что этот тезис не может считаться неоспоримым для государств с различными уровнями экономического развития. В долгосрочной перспективе показатели роста стран, богатых минеральным сырьём, нередко оказываются хуже, чем в более бедных государствах со сравнимым исходным уровнем доходов на душу населения. То есть обилие природных ресурсов негативно коррелирует с темпами экономического роста и жизненными стандартами и одновременно имеет положительную корреляцию с неравенством доходов. В конечном итоге этот фактор не столько стимулирует, сколько замедляет экономическое развитие⁶. Эта негативная связь между степенью богатства природными ресурсами и экономическим ростом получила название "ресурсного проклятия"⁷.

Сам феномен "проклятия природных ресурсов" был эмпирически, статистически и экономически доказан в ряде исследований и наглядно подтверждается многочисленными примерами развития экономической ситуации в таких богатых нефтью странах, как Нигерия и Венесуэла, или, например, в одной из крупнейших алмазодобывающих стран Сьерра-Леоне, которые имели более низкие, а порой отрицательные темпы экономического роста по сравнению со странами, не столь богатыми природными ресурсами⁸.

Однако далеко не все страны подвержены "ресурсному проклятию". Некоторые из них, например Ботсвана, Индонезия, Норвегия, Австралия и Канада, демонстрируют стабильные и высокие темпы экономического роста и социального развития. Так, богатая нефтью Норвегия занимает лидирующие позиции в рейтинге по индексу человеческого развития ООН. К 19 сентября 2017 г. стоимость всех активов, которые принадлежат Norges Bank Investment Management (NBIM) или фонду, в который норвежское государство ежегодно отчисляет часть доходов от продажи нефти и газа, достигла 1 трлн дол. Норвежцы иногда называют его нефтяным фондом. История самого NBIM начинается в 1996 г., а его прибыльности — в 1998 г. С тех пор фонд рос в среднем на 5,9 % в год,

⁵ Гилфасон Т. Мировая экономика природных ресурсов и экономический рост // Экономический журнал ВШЭ. 2008. № 2. С. 201–203.

⁶ Дроздова К.Н. Возможности использования внешнеэкономического сотрудничества для диверсификации экономики Венесуэлы: Дис. ... канд. эконом. наук / ФГБОУ ВПО "Государственный университет управления". М., 2015. С. 14. https://guu.ru/files/dissertations/2015/06/drozdova_k_n/dissertation.pdf; (дата обращения: 04.12.2017).

⁷ Karabegovic A. Institutions, economic growth, and the "curse" of natural resources // Studies in Mining Policy. 2009. July. P. 5. URL: <https://www.fraserinstitute.org/sites/default/files/curseofNaturalResources2009.pdf>; (дата обращения: 21.08.2017).

⁸ Ibid. P. 1.

а при вычете инфляции и расходов на управление — на 4 %. NBIM является крупнейшим суверенным фондом мира. Следующий крупный стабилизационный фонд — Объединённых Арабских Эмиратов — примерно на 15 % меньше. Фонд национального благосостояния России меньше норвежского собрата примерно в 10 раз⁹.

Обращает на себя внимание то, что во время последнего мирового финансового кризиса, начавшегося в 2008 г., активы фонда практически не уменьшались. При этом большинство богатых нефтью стран были тогда вынуждены воспользоваться деньгами "будущих поколений" из своих суверенных фондов, так что, например, в России и Казахстане активы фондов уменьшились в разы и эксперты даже серьёзно опасались их полного исчерпания.

Это наглядно демонстрирует остроту проблемы долговременной устойчивости экономики добывающих стран, особенно учитывая тот факт, что минерально-сырьевые ресурсы, как правило, невозобновляемы. Отсюда вытекает необходимость решения двух ключевых задач: распределение ресурсов и получаемых доходов от их эксплуатации между уровнями текущего и будущего потребления и обеспечение стабильного роста доходов, на которые вправе рассчитывать будущие поколения. Таким образом, экономическое управление национальным природным богатством предполагает контроль за волатильностью доходов и поддержание устойчивости. Наибольшую опасность в решении этих задач представляет известная "голландская болезнь", которая заключается в том, что в периоды ресурсного бума обменный курс национальной валюты повышается, отрицательно влияя на конкурентоспособность несырьевых отраслей.

В связи с этим особое значение для экономического развития государств, богатых минерально-сырьевыми ресурсами, имеет управление обменными курсами. По мнению экспертов, его роль трудно переоценить, поскольку реальный обменный курс служит важной детерминантой "голландской болезни". Завышенный обменный курс — ключевой фактор снижения конкурентоспособности торгуемых секторов экономики¹⁰.

Это, несомненно, лишь один из факторов, которые учитываются в различных стратегиях управления национальным достоянием и обуславливают дифференциацию в характере и уровне экономического развития. При этом "ресурсное благосостояние" не является, с одной стороны, фактором, сдерживающим устойчивое развитие, а с другой — панацеей от экономического спада или системного кризиса. Как свидетельствуют многочисленные исследования, "сырьевое проклятие" не всегда связано исключительно со сверхдоходами от экспорта ресурсов, в том числе даже в условиях сырьевого бума¹¹. Это подтверждает, например, опыт стран Африки, Латинской Америки или Индонезии и всё той же Норвегии.

⁹ Лось П. Нефть в Норвегии закончится, а благосостояние останется // Deutsche Welle. 2017. 21 сентября. URL: <http://www.dw.com/ru/нефть-в-норвегии-закончится-а-благосостояние-останется/a-40610618> (дата обращения: 10.10.2017).

¹⁰ Кондратьев В.Б. Минерально-сырьевые ресурсы как фактор экономического роста и глобальной конкурентоспособности // Горная промышленность. 2014. № 1(113). С. 15. URL: <http://mining-media.ru/ru/article/ekonomicheskogo-rosta-i-globalnoj-konkurentosposobnosti> (дата обращения: 13.02.2017).

¹¹ Elliott II V.M., Hartarska V., Bailey C. Natural Resources Endowment and Economic Growth in the Southeastern United States. P. 6–8. URL: <http://ageconsearch.umn.edu/bitstream/9990/1/sp07el01.pdf> (дата обращения: 10.10.2017).

Более того, как свидетельствуют результаты исследования, проведённого Международным валютным фондом в 2017 г., многие из государств с самым высоким уровнем ВВП на душу населения имеют на своей территории весьма значительные запасы нефти и газа. В немалой степени именно это обстоятельство, по мнению МВФ, благоприятно сказывается на развитии их экономики. В числе первых 15 в списке, например, такие богатые углеводородным сырьём страны, как Катар (1-е место в рейтинге), Бруней (4-е место), Норвегия (6-е), Кувейт (7-е), ОАЭ (8-е), США (12-е) и Саудовская Аравия (13-е место)¹². Однако наряду с природными ресурсами инвестиции, взвешенная тарифная политика, сильная банковская система и институциональная среда являются факторами, которые напрямую влияют на уровень экономического благополучия этих стран.

Таким образом, наличие сырьевых ресурсов предоставляет значительные возможности для развития. Вместе с тем темпы экономического роста в странах, богатых природными ресурсами, как правило, оказываются ниже ожидаемых, поскольку сырьевая рента повышает макроэкономическую волатильность и снижает стимулы к совершенствованию институтов и самой системы управления сырьевым сектором. Чтобы избежать "ресурсной ловушки", существует несколько стратегий экономической диверсификации, которые были разработаны и функционируют во многих странах, обладающих значимой ресурсной базой. Однако реализация этих стратегий не всегда была успешной, что подтверждают результаты совместного исследования Немецкого института международных отношений и безопасности (Stiftung Wissenschaft und Politik, SWP) и Федерального института геологических наук и природных ресурсов (Bundesanstalt für Geowissenschaften und Rohstoffe, BGR). А анализ ситуации в сырьевой сфере стран группы G-20, богатых полезными ископаемыми, свидетельствует в пользу того, что ключевой задачей в деле обеспечения устойчивого роста остаётся совершенствование институтов управления сырьевыми отраслями экономики¹³.

При этом эксперты особо подчёркивают, что экономическое развитие этих стран во многом зависело от характера использования сырьевого богатства и решения сопутствующих проблем в сфере оборота ресурсов и доходов от их производства и сбыта. В результате, с одной стороны, благодаря доходам от продажи сырья в государственные бюджеты поступили серьёзные финансовые ресурсы. С другой — экспорт сырья и рост прямых иностранных инвестиций (ПИИ) в добывающие отрасли способствовали масштабному притоку финансовых средств, что осложняло процесс управления экономикой на макроуровне и обусловило незащищённость этих стран от резких колебаний цен на сырьё.

В этом смысле показательна ситуация, складывающаяся на Африканском континенте, который, по данным Экономической комиссии Организации Объединённых Наций по Африке (UNECA), обладает более 40 % от мировых запасов металлов платиновой группы (МПГ), фосфатов, золота, кобальта, ванадия, хромитов, марганца и алмазов. Запасы

¹² 15 самых богатых стран мира // Вести. Экономика. 2017. 13 декабря. URL: <http://vestifinance.ru/articles/95118?page=1> (дата обращения: 20.12.2017).

¹³ Hilpert H.G., Midner S.A. Introduction: Global Raw Materials Markets — National Raw Materials Policies. P. 11.

газа и нефти на континенте составляют около 8 и 9 % соответственно, подтверждённые запасы коксующихся углей только в Южной Африке достигают 5 % от глобальных. На долю Африки приходится около 16 % мировой добычи первичного урана¹⁴. Вместе с тем, несмотря на обилие природных ресурсов в Африке, их хозяйственное использование оказывает минимальное влияние на стимулирование экономического роста, в том числе в ресурсоизбыточных странах. В частности, результаты исследований, проведённых под эгидой Экономического сообщества западноафриканских государств (Economic Community of West African States, ECOWAS), показывают, что увеличение экспорта природных ресурсов в богатых их запасами государствах региона на 10 % снижает рост доходов на душу населения примерно на 0,4 %. В числе главных факторов называют слабость государственных институтов, регулирующих деятельность горнодобывающего сектора, высокую коррупцию, а также частые конфликты в сырьевом секторе (борьба за обладание ресурсами) богатых ресурсами африканских стран¹⁵.

Таким образом, "ресурсное проклятие" это, скорее, результат неправильной экономической политики, в частности финансовой и валютной, а также неэффективного управления поступающими в страну доходами от продажи сырья. Пожалуй, самый наглядный пример влияния различных подходов к государственному регулированию сырьевого сектора на макроэкономические показатели отдельных стран, обладающих схожими по значимости ресурсными потенциалами, даёт ретроспективный анализ развития ситуации в экономике двух крупных нефтедобывающих стран — Индонезии и Нигерии, который приводит в своих работах В. Б. Кондратьев. В частности, он отмечает, что около 30 лет назад оба государства имели примерно равный показатель ВВП на душу населения. Однако к 2008 г., на пике предкризисного роста мировых сырьевых рынков, доход на душу населения в Нигерии составлял лишь 30 % от индонезийского¹⁶.

И всё же, почему одни сырьевые страны проводят эффективную экономическую политику, а другие — нет? В последнее время этот вопрос привлекает пристальное внимание экспертов. Всё большее их число приходит к выводу, что ответ на этот вопрос связан с особенностями политической и институциональной систем таких стран. Особое значение придаётся рентным интересам различных групп, оказывающим влияние на экономическую политику в целом¹⁷. В "успешных" сырьевых странах

¹⁴ *Jalloh M.* Natural resources endowment and economic growth: The West African Experience // *Journal of Natural Resources and Development*. 2013. No. 3. P. 66–84. URL: https://www.researchgate.net/publication/307789607_Natural_resources_endowment_and_economic_growth_The_West_African_Experience (дата обращения: 12.10.2017).

¹⁵ *Jalloh M.* Natural resources endowment and economic growth: The West African Experience.

¹⁶ *Кондратьев В.Б.* Минерально-сырьевые ресурсы как фактор экономического роста и глобальной конкурентоспособности.

¹⁷ *Казначеев П.* Природная рента и экономический рост: Экономическое и институциональное развитие в странах с высокой долей доходов от экспорта сырьевых ресурсов. Анализ и рекомендации на основе международного опыта: Докл. РАНХиГС. М., 2013. С. 20. URL: http://ion.ranepa.ru/upload/images/1_Природная-рента-и-экономический-рост-доклад.pdf (дата обращения: 14.08.2017).

экономическая политика, как правило, базируется на требовании преимущественного генерирования определённой части доходов за счёт секторов, не связанных с добычей и переработкой минерально-сырьевых ресурсов. Благополучие стран с явной сырьевой ориентацией экономики, напротив, основано на доходах от добычи и экспорта первичных ресурсов и их трансфере заинтересованным социальным группам (элитам) без должного внимания к совершенствованию системы налогового администрирования в несырьевых секторах экономики. В итоге экономическая политика из инструмента экономического развития превратилась в инструмент поддержки политических элит.

Особенно наглядно эта проблема проявляется в сырьевом секторе ЮАР, которая обладает одними из крупнейших в мире запасов МПГ (87 % глобальных резервов), марганца (80 %), хрома (72 %), золота (30 %), а также уникальными запасами алюмосиликатов, титана, вермикулита и циркония. Южно-Африканская Республика — ведущий производитель платины (до 77 % глобального производства) и второй после России производитель палладия (41,1 %) и титана (0,3 %). На горнодобывающий сектор приходится около 35 % совокупных экспортных поступлений в бюджет, около 500 тыс. чел. занято в сырьевом секторе и ещё около 500 тыс. — в сопряжённых отраслях экономики. Согласно оптимистичным прогнозам правительства ЮАР, 140 тыс. дополнительных рабочих мест может обеспечить горнодобывающая промышленность к 2020 г. ЮАР экспортирует от 70 до 90 % добываемых в стране ресурсов, но в основном в виде сырья или продукции низших переделов¹⁸.

Как отмечают специалисты SWP и BGR¹⁹, несмотря на неоспоримые позитивные достижения после падения режима апартеида, спустя более 25 лет ЮАР всё ещё сталкивается с весьма серьёзными социально-экономическими проблемами. По показателю дохода на душу населения страна находится на самом низком уровне в мире. Более 40 % населения живёт за чертой бедности (прожиточный минимум составляет 500 рандов в месяц — около 1,60 евро/день). Официальная безработица составляет 25 % (неофициальная — около 40 %).

В сфере добычи минерально-сырьевых ресурсов ключевые проблемы связаны с тем, что основным принципом, на котором строится социально-экономическая политика ЮАР, выступает "позитивная дискриминация" в пользу притесняемого в прошлом коренного населения, или программа расширения экономических возможностей коренного чернокожего населения (Black Economic Empowerment, БЭЭ). Горная хартия, которая является частью Закона о развитии минеральных и нефтегазовых ресурсов, также регламентируется БЭЭ. Она включает девять конкретных требований, которые должны выполнять горнодобывающие компании в целях поддержки экономического участия в их деятельности коренных африканцев ЮАР. В частности, как минимум 26 % акций компаний,

¹⁸ Tull D.M. Africa South // Fragmentation or Cooperation in Global Resource Governance? A Comparative Analysis of the G-20 // SWP Research Paper / SWP; BGR. Berlin. 2013. March. P. 125–127. URL: https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/research_papers/2013_RP01_hlp_mdn.pdf (дата обращения: 10.10.2017).

¹⁹ Stiftung Wissenschaft und Politik (German Institute for International and Security Affairs), Berlin; Bundesanstalt für Geowissenschaften und Rohstoffe (Federal Institute for Geosciences and Natural Resources), Hannover.

работающих в сырьевом комплексе, должны принадлежать чернокожим гражданам; горнодобывающие компании должны также закупать расходные материалы и комплектующие (40 % от общего объёма закупок) и пользоваться сервисными услугами (до 70 %) компаний, в которых 25 % уставного капитала принадлежит коренным африканцам (так называемые BEE companies) и т.д.²⁰

Очевидно, что социальные проблемы и "национальный вопрос" лежат в основе и сырьевой политики государства, а с учётом их значимости в непрекращающихся дебатах в Африканском национальном конгрессе (АНК) и в деятельности Конгресса южноафриканских профсоюзов (Congress of South African Trade Unions, COSATU) в целом и определяют её. Два аргумента, касающиеся горнодобывающего сектора ЮАР, находятся в центре дебатов на всех уровнях: первый — сектор исторически был оплотом эксплуататорской системы апартеида; второй — нация в целом не получила ощутимых материальных и общественных благ от принадлежащей ей богатой минерально-сырьевой базы.

Тем не менее представители сырьевого комплекса самой ЮАР отмечают, что в горнодобывающей промышленности (как и в других отраслях экономики) BEE не удалось добиться социальной трансформации. Более того, это тормозит модернизацию и развитие самой отрасли. Так, в 2015 г. южноафриканские регуляторы заблокировали слияние национальных компаний Harmony Gold Mining Co. и AngloGold Ashanti Ltd. именно потому, что эта сделка якобы противоречила принципам BEE. О том, что это позволило бы повысить эффективность работы и конкурентоспособность горнодобывающей отрасли, речи не шло²¹. Даже представители правительства констатируют, что явная ориентация на права собственности и распределение доходов стала причиной формирования узкого круга процветающих элит, чьи компании, как правило, являются выгодоприобретателями от государственного заказа и одновременно от коррупционных бизнес-схем²².

Таким образом, в ЮАР, как уже отмечалось, экономическая политика из инструмента экономического развития превратилась в инструмент поддержки влиятельных групп из АНК, COSATU и Национального союза горняков (The National Union of Mineworkers, NUM), который представляет собой крупнейший Учредительный совет COSATU, а также крупных горнодобывающих компаний, которые, как правило, находятся под эгидой Министерства минерально-сырьевых ресурсов (DMR). При этом инвестиционные проекты в сырьевом секторе, как правило, используются в качестве рычагов политического давления и протекционизма. Этим же можно объяснить нежелание государства девальвировать

²⁰ The Rise of Resource Nationalism: A Resurgence of State Control in an Era of Free Markets Or the Legitimate Search for a New Equilibrium? // Southern African Institute of Mining and Metallurgy. Cape Town. 2012. February. P. 228. URL: <http://www.saimm.co.za/Conferences/ResourceNationalism/ResourceNationalism-20120601.pdf> (дата обращения: 05.11.2017).

²¹ *Bochove D.* World's Richest Mines Slipping From Hands of Multinationals // Bloomberg. 2017. 4 September. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2017-09-04/worlds-richest-mines-slipping-out-of-hands-of-multinationals> (дата обращения: 20.09.2017).

²² *Tull D.M.* Op. cit. P. 125.

свою национальную валюту. Следует отметить, что и в других странах с сырьевой направленностью экономики завышенный обменный курс становится дополнительным налогом на экспортный сектор хозяйства. В нём заинтересованы и те группы, которые ориентированы на доступный импорт.

Таким образом, завышение обменных курсов, сокращение экспорта и "поглощение" сырьевых доходов во многих богатых ресурсами странах наряду с экономическим феноменом представляют собой и отчётливый политический феномен. Вместе с тем, учитывая тот факт, что глобализация многими на Западе понимается как дерегулирование условий торговли, в том числе природными ресурсами, а также изъятие определённой части суверенитета у национального государства и общества, странам с сырьевой ориентацией приходится применять адекватные меры по защите своих интересов и обеспечению экономической безопасности.

В этих условиях в последнее время в мире стала получать всё большее распространение концепция "ресурсного национализма", подразумевающая усиление контроля над природными ресурсами со стороны общества и государства. "Ресурсный национализм" проявляется в форме более жёсткого контроля за участием иностранных компаний в эксплуатации минерально-сырьевой базы, в увеличении роли государственной собственности в этой сфере и даже в экспроприации и национализации объектов природопользования в случае, если разработка ресурсов не укладывается в рамки и сроки, предусмотренные соглашениями либо контрактами (принцип "Use it or loose it")²³.

Понятие "ресурсный национализм" возникло в начале 70-х гг. прошлого века после завершения процесса деколонизации и последующей передачи контроля за природными ресурсами странам, освободившимся от колониального ига. Ресурсный национализм имеет различные формы: сокращение экспорта, манипулирование ценами — как для извлечения максимальной прибыли, так и для оказания политического давления на отдельных импортёров, ограничение доступа иностранных компаний к разработке национальных природных ресурсов²⁴. Эта тенденция имеет глобальный характер, охватывает как развивающиеся, так и развитые страны и связана с резко возросшей ролью добывающих отраслей и природных ресурсов в экономическом развитии. При этом в последние годы государства со значительными запасами полезных ископаемых национализуют самые ценные рудники, которые, как правило, принадлежат транснациональным горнодобывающим компаниям. Главные причины распространения тенденции — это, конечно же, развитие национального самосознания, политика суверенитета, переориентация на динамичное технологическое развитие и укрепление национального государства на фоне роста спроса и цен на ископаемое сырьё.

²³ Шмат В. "Ресурсный национализм: уроки Третьего мира // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 1. С. 28–39. URL: http://www.imemo.ru/jour/meimo/index.php?page_id=756&id=6472 (дата обращения: 16.05.2017); Кондратьев В.Б. Указ. соч.

²⁴ "Ресурсный национализм" — за и против // Голос Америки. Веб-сайт. 2009. 14 января. URL: <http://www.golos-ameriki.ru/amp/a-33-2009-01-14-voa33/630526.html> (дата обращения: 16.05.2017).

При этом, по данным западных экспертов, наблюдаемый в последние годы всплеск экономического национализма, ведёт к усилению давления государственных органов и правительственных структур развивающихся стран на западные горнодобывающие компании. По словам Пола Митчелла, главного аналитика консалтинговой компании Ernst & Young, которые приводит агентство Bloomberg: "Мы повсюду видим рост националистически настроенных правительств. Они хотят сами владеть активами и ресурсами в своих странах и заставлять их работать на себя. Думаю, эта тенденция будет расти и усиливаться..."²⁵ В подтверждение этого тезиса Bloomberg приводит некоторые факты распространения ресурсного национализма, "от Монголии до Замбии".

Так, одной из главных тем предвыборной кампании на недавних выборах президента Монголии были призывы усилить контроль за природными ресурсами. Власти попытались заставить иностранные добывающие компании проводить выручку и доходы через монгольские банки, поставив в сложное положение Rio Tinto Group и ряд других зарубежных инвесторов. Правда, Улан-Батор был вынужден отказаться от реализации этой инициативы после того, как МВФ дал понять, что может отказать Монголии в кредитах²⁶.

В 2015 г. в Замбии швейцарская добывающая компания Glencore Plc выступила с заявлением о сокращении численности рабочих на 4700 чел. после того, как правительство повысило цены на электроэнергию. Однако власти отключили рудники от сети и руководство Glencore было вынуждено согласиться с повышением тарифов. Незадолго до этого инцидента канадская First Quantum Minerals Ltd. также была вынуждена принять новую тарифную политику правительства Замбии.

В том же 2015 г. одна из крупнейших на планете горнодобывающих компаний — американская Freeport-McMoRan Copper & Gold Inc. — попыталась продать свою долю в медно-кобальтовом руднике в Демократической Республике Конго. Правительство почти год не выдавало разрешение на сделку. Оно было получено лишь после того, как американская компания выплатила властям 33 млн дол. откупных. Причём это составило только треть от общей суммы, предъявленной всем участникам сделки.

Ещё дальше пошли регуляторы Танзании, где, по данным Bloomberg, Налоговое управление выписало национальной компании Asacia Mining Plc, специализирующейся на добыче золота, счёт на сумму, в 4 раза превышающую ВВП страны. Почему после оплаты указанного иска, как заявил президент страны, компания сможет "снискать прощение перед

²⁵ *Bochova D.* Op. cit.

²⁶ В августе 2016 г. Монголия столкнулась с тяжелейшим экономическим кризисом. Курс национальной валюты снизился до 20-летнего минимума. Основные причины — замедление экономического роста Китая и низкий уровень цен на сырьё, продажа которого — основная статья доходов Монголии, которая экспортирует 89 % своей продукции в КНР. Власти страны были вынуждены в конце мая привлечь кредит МВФ на 5,5 млрд дол., однако одним из условий его предоставления было требование снизить расходы и повысить налоги, что вызвало недовольство населения. В мае, как раз накануне выборов, кредит все-таки был одобрен. См.: *Фахрутдинов Р.* Монголию возглавил олигарх // Газета.ру. 2017. 8 июля. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2017/07/08_a_10778426.shtml (дата обращения: 25.11.2017).

богом и ангелами"?²⁷ Не потому ли, что контрольный пакет акций Асасия принадлежит одной из крупнейших в мире транснациональных корпораций Barrick Gold (Канада)? Тем не менее справедливости ради следует отметить, что в 2017 г. президент Танзании Джон Магуфули через местное Министерство энергетики и минеральных ресурсов ввёл запрет на поставки за рубеж необработанных минералов и рудных пород, содержащих золото, серебро, медь и никель. По данным самого ведомства, таким образом руководство страны намерено стимулировать модернизацию промышленности, переработку сырьевых ресурсов и выпуск продуктов с высокой добавленной стоимостью внутри страны: "этот шаг откроет новые рабочие места на рынке труда, даст выручку, а также обеспечит технологический прорыв"²⁸.

Эти примеры свидетельствуют о том, что руководящие структуры стран, богатых сырьевыми ресурсами, на разных континентах поняли, что, невзирая на волатильность рынков и цикличность их базовых конъюнктурных показателей, доходы крупнейших добывающих компаний продолжают расти. Потребности мировой экономики в сырьевых ресурсах также имеют постоянную тенденцию к росту. В связи с этим, с одной стороны, многие из них стремятся внести в сырьевую политику коррективы, направленные на получение максимальной выгоды от эксплуатации национального природного богатства. В этих условиях зарубежные инвесторы вынуждены либо принять новые правила игры, либо свернуть производство и продать свои активы местным производителям.

С другой стороны, сырьевые экономики заинтересованы в привлечении зарубежных инвесторов. В Аргентине и Эквадоре, например, недавно приняты законы, улучшающие условия работы иностранных компаний. Очевидно, что без участия зарубежных высокопродуктивных компаний невозможно развитие технологий и повышение эффективности горнодобычи, что должно в свою очередь позволить странам с высоким минерально-сырьевым потенциалом в недалёком будущем полностью взять под контроль добычу своих полезных ископаемых. При этом, по мнению экспертов, трансфер технологий станет наиболее эффективным средством достижения технологического паритета между постиндустриальными экономиками и странами, оказавшимися в ситуации исторического или циклического отставания²⁹.

Так, растущая активность китайских инвесторов, особенно в сфере промышленности и энергетики, всё больше начинает беспокоить руководство Евросоюза, которое уже считает, что в результате слияний и поглощений с европейскими фирмами Китай может получить не только доступ к новейшим технологиям, но и конкурентное преимущество. Трансграничные слияния и поглощения содействуют процессу перехода компаний

²⁷ *Bochove D.* Op. cit.

²⁸ *Гинько В.* Президент Танзании запретил экспорт ряда сырьевых товаров из страны // Новый взгляд. 2017. 9 марта. URL: <http://newvz.ru/info/92344.html> (дата обращения: 20.09.2017).

²⁹ *Global R&D Funding Forecast: A supplement to R&D Magazine / Industrial Research Institute (IRI).* 2017. Winter. P. 21–25. URL: http://digital.rdmag.com/8f13247080c532c491b4ff5070dcfaf0/5a40fad9/researchanddevelopment/2017_global_r_d_funding_forecast/data/global_rd_funding2017-dl.pdf?lm=1487016751000 (дата обращения: 18.08.2017).

из КНР в разряд игроков мирового уровня, в том числе в сфере машиностроения, производства и вывода на рынок крайне востребованной высокотехнологичной продукции. Главное — это более прагматичная национальная сырьевая политика, отказ от чрезмерной эксплуатации ресурсной базы, перевод экспортной составляющей на продукцию высших переделов, увеличение в ней доли инновационного продукта, что в полной мере соответствует задачам модернизации промышленности КНР, в том числе в рамках амбициозного плана "Сделано в Китае — 2025"³⁰.

Натиск игроков из развивающихся стран и быстрорастущих экономик вынуждает постиндустриальные страны уделять всё более пристальное внимание и прилагать усилия, направленные на разработку мер по обеспечению сырьевой безопасности, отслеживанию и контролю иностранных инвестиций (особенно сделок по слиянию и поглощению в чувствительных сферах экономики) и определению рисков, которые они могут нести. Многие государства с низким уровнем обеспеченности ресурсами и страны, зависящие от импорта ряда важнейших для нормального функционирования экономики видов сырья, формируют и постоянно обновляют его стратегические запасы. Критерии критичности сырьевых материалов широко варьируются. В большинстве постиндустриальных стран (в том числе во Франции, в Германии, Японии, Южной Корее, Великобритании, США) определяют этот критерий в соответствии с внутренним спросом (прежде всего в ВПК, в стратегических сферах и промышленности в целом, сельском хозяйстве и ряде других ключевых отраслей), возможными рисками для развития экономики и вызовами национальной безопасности в случае нарушения или прекращения зарубежных поставок.

Например, Геологическая служба США на постоянной основе ведёт мониторинг производства и потребностей страны в минерально-сырьевых и промышленных товарах. В соответствии с этим определена номенклатура основных неэнергетических видов сырья, зависимость от иностранных поставок которых может считаться критической. Так, в 2016 г. импорт 50 товаров из этого перечня составил более половины наблюдаемого в США потребления (в 2015 г. — 47). Потребности в некоторых минералах превысили объёмы национального производства более чем на 50 %. При этом, по оценкам, в 2015–2016 гг. США были нетто-импортёрами 19–20 наименований сырья, т.е. на 100 % зависели от зарубежных поставок этих ресурсов³¹. Кроме того, Штаты в той или иной мере были зависимы от импорта ещё 30 видов сырьевых товаров, однако одновременно они являются нетто-экспортёрами 16 неэнергетических минеральных продуктов³².

³⁰ Global R&D Funding Forecast: A supplement to R&D Magazine / Industrial Research Institute (IRI). 2017. Winter. P. 22. URL: http://digital.rdmag.com/8f13247080c532c491b4ff5070dcfaf0/5a40fad9/researchanddevelopment/2017_global_r_d_funding_forecast/data/global_rd_funding2017-dl.pdf?lm=1487016751000 (дата обращения: 18.08.2017).

³¹ Mineral commodity summaries 2016 / U.S. Geological Survey. Reston (Virginia). P. 7. URL: <https://minerals.usgs.gov/minerals/pubs/mcs/2016/mcs2016.pdf> (дата обращения: 07.09.2017).

³² Ibid.

Китай, Россия и Индия, а также некоторые другие быстрорастущие экономики определяют номенклатуру, объёмы хранения и оборота критических материалов в рамках своей стратегии развития и формирования национального резерва, в том числе с учётом текущих и прогнозируемых поставок на глобальные рынки. Для Канады критичность сырьевых ресурсов определяется не только с позиций их экспортного потенциала и весомости вклада в бюджет или дефицитности, но и основываясь на их значимости для социально-экономического развития страны и благополучия регионов (провинций).

В Японии даже частный сектор по закону обязан создавать производственные резервы наиболее востребованных видов сырья. В Китае, Японии и Южной Корее резервы призваны защитить отечественную экономику от внезапных сбоев в поставках или неожиданных и резких колебаний цен. В то время как США мотивированы исключительно соображениями национальной обороны и за стратегические резервы отвечает Управление тыла министерства обороны страны (United States' Defense Logistics Agency, DLA)³³. При этом запасы Южной Кореи и США, например, достаточно прозрачны, в то время как Китай и Япония не раскрывают, какие минералы и металлы хранятся в резерве. Франция, Германия имеют национальные резервы стратегических видов сырья, прежде всего металлов, но в ЕС в целом пока нет общеевропейского резервного фонда стратегического сырья. По данным немецких экспертов, руководство ЕС по объективным критериям и практическим соображениям считает, что подобные запасы с учётом масштабов промышленного производства в Евросоюзе вряд ли смогут внести ощутимые коррективы в ситуацию в случае резкого спада на глобальном рынке³⁴.

В целом следует отметить, что ведущие страны Запада достаточно серьёзно воспринимают риски для своих экономик, которые могут быть связаны с резкими изменениями конъюнктурной ситуации на глобальных сырьевых рынках. Главные опасения связаны с тем, что, по их мнению, как правило, основные страны — производители сырьевых товаров менее заинтересованы в обеспечении стабильности и надёжности поставок.

³³ В соответствии с Законом об оборонном производстве от 1950 г. (Defense Production Act of 1950) Геологическая служба США (U.S. Geological Survey, USGS) консультирует DLA по вопросам приобретения и оборота минеральных материалов в Национальном центре стратегических резервов (Defense National Stockpile Center, DNSC). Подразделение по стратегическим материалам Агентства по тыловому обеспечению министерства обороны США (DLA Strategic Materials) отвечает за пополнение и управление стратегическими и критическими материалами в DNSC. В номенклатуру резервов входят различные минералы и металлы, в том числе оксид алюминия, оксиды редкоземельных металлов, бериллий, хром, кобальт, алмазы, феррохром, ферромарганец, йод, иридий, слюда, ниобий, металлы платиновой группы, тальк, тантал, торий, олово, вольфрам и цинк. В 2016 финансовом году DLA Strategic Materials пополнила запасы стратегических материалов на сумму в 3,72 млн дол. (1,49 млн — в 2015 г.) и продала избытки сверхнормативного хранения ряда сырьевых товаров на сумму 42,5 млн дол. (66,9 млн дол.). По состоянию на конец 2016 ф.г. в шести хранилищах NDS находились 37 видов минеральных ресурсов стоимостью 1,1 млрд дол. (в 2015 ф.г. в 12 хранилищах находились 28 видов она общую сумму 1,3 млрд дол.). См.: DLA Strategic Materials // GlobalSecurity.org URL: <https://www.globalsecurity.org/military/agency/dod/dnsc.htm> (дата обращения: 15.11.2017).

³⁴ Hilpert H.G., Midner S.A. Country Selection and Results. P. 21.

Они рассматривают ресурсы как прибыльные экспортные товары, источник поступления иностранной валюты и, соответственно, определяют их критичность в основном с учётом текущей конъюнктуры или её прогнозируемых изменений в ближайшей перспективе.

Это создаёт дополнительные вызовы устойчивому развитию и, более того, угрозу снижения конкурентоспособности экономик ресурсозависимых стран. Фундаментальные риски связаны также с цикличностью сырьевых рынков, обусловленной диспропорциями в уровне производства на фоне практически стабильного роста потребления. В период высоких цен на ресурсы наблюдается всплеск инвестиций в горнодобывающие проекты. Но рост объёмов поставок сырьевых продуктов на рынки откладывается из-за длительных сроков ввода новых горнодобывающих и производственных мощностей. А затем, когда значительная часть проектов выходит на проектную мощность, рынок становится насыщенным, цены снижаются, падают инвестиции и ряд низкорентабельных предприятий выбывает из цепочки. В условиях жёсткой конкуренции производственные мощности сокращаются до следующего цикла дефицита поставок на фоне практически постоянного (хотя и с различными темпами и динамикой) роста спроса.

Кроме того, как уже отмечалось, многие минералы и металлы характеризуются высокой концентрацией производства с учётом крайней неравномерности их территориально-геологического распределения по континентам и странам. Наконец, цены определяются не только реальной экономикой, но, по крайней мере в краткосрочной перспективе, и финансовыми рынками. Сырьё стало привлекательным объектом спекуляций.

Очевидно, что в современных условиях проблемы надёжного и долгосрочного сырьевого обеспечения устойчивого развития не могут быть решены в рамках отдельно взятой страны, каким бы уровнем экономического развития и ресурсного обеспечения она ни обладала. При этом западные эксперты проявляют крайнюю озабоченность тем, что меры по регулированию сырьевого сектора, которые являются вполне действенными и рациональными на национальном уровне, могут привести к неблагоприятным последствиям на региональном и глобальном уровнях. Риски возрастают и в связи с тем, что различия в интересах, целях и инструментах сырьевой политики препятствуют формированию эффективной системы глобального управления сырьевыми ресурсами³⁵. Чтобы избежать дальнейшего ужесточения рынков, по мнению экспертов, важна прозрачность в области формирования и накопления запасов стратегического сырья и координация этих процессов на международном уровне, как это делается, например, в рамках энергетического сотрудничества МЭА. Кроме того, желательна международная инициатива в деле повышения достоверности данных о ресурсах и запасах сырья, о текущих, планируемых и прогнозируемых объёмах производства и поставок на отдельные сегменты глобальных рынков сырьевых и промышленных товаров.

³⁵ Hilpert H.G., Midner S.A. Problems and Recommendations // Fragmentation or Cooperation in Global Resource Governance? A Comparative Analysis of the G-20 // SWP Research Paper / SWP; BGR. Berlin. 2013. March. P. 7. URL: https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/research_papers/2013_RP01_hlp_mdn.pdf (дата обращения: 10.10.2017).

При этом прозрачность финансовых потоков и добровольные международные инициативы по транспарентности и сертификации, такие как Инициатива прозрачности в добывающих отраслях (Extractive Industries Transparency Initiative, EITI) или Инициатива ОЭСР по взаимной проверке и управлению цепочками поставок полезных ископаемых из районов, подверженных конфликтам и высоким рискам (Due Diligence Guidance for Responsible Supply Chains of Minerals from Conflict-Affected and High-Risk Areas), по мнению специалистов, являются действенными инструментами и могут лечь в основу глобального управления сырьевыми потоками³⁶.

Всё вышесказанное свидетельствует в пользу того, что минерально-сырьевые ресурсы — одна из главных составляющих в обеспечении конкурентоспособности любого отдельного субъекта и глобальной экономики в целом. Промышленный, инновационный и экономический рост невозможен без должного сырьевого обеспечения.

Существует достаточно распространённая точка зрения, согласно которой российский сырьевой сектор занимает слишком много места в экономике страны. В связи с этим в последние годы ведутся интенсивные дискуссии о целях и характере модернизации экономики с неизменным акцентом на отход от ресурсоориентированного роста и скорейший переход к ускоренному развитию наукоёмкого сектора экономики. Реальные расчёты показывают, однако, что относительную роль добывающей промышленности в нашей экономике, по сравнению с другими крупными странами, нельзя назвать гипертрофированной. По этому показателю Россия (5,7 %) находится на уровне Китая (5,6 %) и Канады (5,2 %), существенно уступая таким ведущим "горнодобывающим" странам, как Австралия (7,6 %) и Норвегия (8,8 %)³⁷.

Для экономики США, например, минерально-сырьевой комплекс и добывающая промышленность остаются фундаментальными отраслями, которые вносят значительный вклад в формирование ВВП страны. По данным Геологической службы, стоимость неэнергетических видов минерального сырья, произведённого в Соединённых Штатах в 2016 г., составила 74,6 млрд дол., показав прирост на 1,6 % к показателю 2015 г. (73,4 млрд дол.). Добытые на национальной сырьевой базе ресурсы и произведённая из них первичная продукция оцениваются в 675 млрд дол. В свою очередь при последующей переработке и использовании в различных отраслях экономики это дало прирост производства с оценочной стоимостью в 2,78 трлн дол. США (+3 % к уровню 2015 г. — 2,69 трлн дол.)³⁸.

Что касается России, то многие аспекты развития экономики страны свидетельствуют о недостаточных сдвигах в качественных параметрах главных драйверов экономического роста. Не отрицая необходимости серьёзных структурных перемен, необходимо понять, что представляет

³⁶ Hilpert H.G., Midner S.A. Introduction: Global Raw Materials Markets — National Raw Materials Policies. P. 13–17.

³⁷ Кондратьев В.Б. Указ. соч.

³⁸ Mineral commodity summaries 2017 / U.S. Department of the Interior; U.S. Geological Survey. Reston (Virginia), 2017. P. 7. URL: <https://minerals.usgs.gov/minerals/pubs/mcs/2017/mcs2017.pdf> (дата обращения: 05.12.2017).

собой российский сырьевой сектор, какую роль он играет и потенциально может играть при переходе страны к инновационному типу развития. Отраслевая и региональная структура российской экономики имеет слишком сложную конфигурацию, не позволяющую однозначно трактовать её как сырьевую. В России 85, включая Севастополь и Республику Крым, субъектов федерации, и только в семи из них доля добычи полезных ископаемых в структуре валовой добавленной стоимости превышает 30 %. В 44 субъектах РФ доля добывающих отраслей не превышает 3 %, и многие из этих регионов весьма динамично развиваются³⁹.

С учётом регионального фактора можно уверенно говорить о том, что сырьевой сектор всегда играл и будет играть важнейшую роль в российской экономике. Минерально-сырьевая продукция составляет более 70 % объёма российского экспорта. Налоги на прибыль компаний, занятых добычей и транспортировкой природных ресурсов, обеспечивают значительную долю доходной части бюджетов всех уровней. Наличие крупного сырьевого сектора отражает специфическую структуру российского национального богатства, содержащего в себе значительные природный и пространственный компоненты. Россия (территория и шельф) располагает приблизительно $\frac{1}{5}$ частью совокупного мирового минерально-сырьевого потенциала, который в пересчёте на душу населения почти на порядок превышает среднемировую удельную обеспеченность человечества ресурсами недр. При этом, по мнению специалистов Российского геологического общества, сырьевой потенциал страны, который превышает её потребности по большей части основных видов ресурсов, так или иначе всегда будет востребован в системе международной торговли ими⁴⁰.

Однако следует учитывать, что обладание ресурсами и наличие надёжных рынков сбыта становятся главными геополитическими и геоэкономическими преимуществами ведущих сырьевых государств, а для таких крупных игроков, как Россия, Канада, США, КНР, Австралия, Бразилия, природно-сырьевой фактор приобретает ещё и важное стратегическое значение. Одновременно крупные сырьевые резервы могут стать потенциальной причиной прямых и косвенных претензий на право долевого участия в их использовании со стороны стран-импортёров к странам, имеющим такие резервы. Очевидно, что борьба за ресурсы останется одной из главных причин международных конфликтов в XXI в.

* *
*

В этих условиях национальная сырьевая политика должна быть направлена на сохранение суверенитета над ресурсной базой, устойчивое развитие сырьевого сектора экономики, а по некоторым направлениям и на его расширение. Она должна стимулировать повышение технологического уровня, увеличение доли продукции высших переделов с учётом

³⁹ *Матвеев А.С., Матвеев О.А.* Роль сырьевого сектора в инновационном развитии России // Минеральные ресурсы России, экономика и управление. 2014. № 5. С. 54.

⁴⁰ *Орлов В.П.* К вопросу о минерально-сырьевой политике и главных проблемах минерально-сырьевой базы // Минеральные ресурсы России, экономика и управление. 2014. № 2. С. 4–6.

текущих и перспективных потребностей в ней отечественной и глобальной экономики, а также обеспечить устойчивое положение страны на региональных и мировых рынках.

В целом развитие сырьевого сектора должно быть качественным и сочетаться с повышением технологического уровня обрабатывающих отраслей, формированием высокотехнологичных производств. Страна имеет шанс выстоять в глобальной конкуренции, развивая одновременно два "интегральных" приоритетных направления, связанных с новой, или инновационной, экономикой, с одной стороны, и сырьевой — с другой. Создание условий для развития этих секторов, укрепление их взаимосвязанности и поддержание оптимальных пропорций между ними в конечном итоге позволят повысить конкурентоспособность и составят основу стратегии модернизации экономики России.

Ключевые слова: *экономика — устойчивое развитие — минерально-сырьевые ресурсы — "ресурсное проклятие" — "ресурсный национализм" — сырьевая безопасность.*

Keywords: *economy — sustainable development — mineral resources — resource curse — resource nationalism — resource security.*

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Аликин А.* Россия: Сырьевые отрасли растут, экономика деградирует // ИноСМИ.ру. 2016. 1 декабря. URL: <http://inosmi.ru/economic/20161201/238319769.html> (дата обращения: 04.12.2017).
2. *Гилфасон Т.* Мировая экономика природных ресурсов и экономический рост // Экономический журнал ВШЭ. 2008. № 2. С. 201–216.
3. *Гинько В.* Президент Танзании запретил экспорт ряда сырьевых товаров из страны // Независимая интернет-газета. 2017. 9 марта. URL: <http://newvz.ru/info/92344.html> (дата обращения: 20.09.2017).
4. *Денисов М.Н., Комаров М.А., Куперман Ю.А.* Оценка запасов полезных ископаемых в составе национального богатства России // Минеральные ресурсы России. Экономика и управление. 2014. № 5. С. 43–45.
5. *Дроздова К.Н.* Возможности использования внешнеэкономического сотрудничества для диверсификации экономики Венесуэлы: Дис. ... канд. эконом. наук / Государственный ун-т управления. М., 2015.
6. *Казначеев П.* Природная рента и экономический рост: Экономическое и институциональное развитие в странах с высокой долей доходов от экспорта сырьевых ресурсов. Анализ и рекомендации на основе международного опыта: Докл. РАНХиГС. М., 2013. URL: http://ion.ganepa.ru/upload/images/1_Природная-рента-и-экономический-рост_доклад.pdf (дата обращения: 14.08.2017).
7. *Кимельман С., Андрюшин С.* Сырьевая составляющая региональной экономики России // Вопросы экономики. 2007. № 6. С. 116–132.
8. *Кондратьев В.Б.* Минерально-сырьевые ресурсы как фактор экономического роста и глобальной конкурентоспособности // Горная промышленность. 2014. № 1(113). С. 6–11. URL: <http://mining-media.ru/ru/article/economic/5895-mineralno-syryevye-resursy-kak-faktor-ekonomicheskogo-rosta-i-globalnoj-konkurentosposobnosti> (дата обращения: 13.02.2017).

9. *Лось П.* Нефть в Норвегии закончится, а благосостояние останется // Deutsche Welle. 2017. 21 сентября. URL: <http://www.dw.com/ru/нефть-в-норвегии-закончится-а-благосостояние-останется/a-40610618> (дата обращения: 10.10.2017).
10. *Матвеев А.С., Матвеев О.А.* Роль сырьевого сектора в инновационном развитии России // Минеральные ресурсы России, экономика и управление. 2014. № 5. С. 53–59.
11. *Михайлов Б.К.* Роль государства в развитии минерально-сырьевой базы твёрдых полезных ископаемых // Минеральные ресурсы России. Экономика и управление. 2017. № 2. С. 10–18.
12. *Орлов В.П.* К вопросу о минерально-сырьевой политике и главных проблемах минерально-сырьевой базы // Минеральные ресурсы России. Экономика и управление. 2014. № 2.
13. *Полтерович В., Попов В., Тонис А.* Механизмы "ресурсного проклятия" и экономическая политика // Вопросы экономики. 2007. № 6. С. 4–27.
14. "Ресурсный национализм" — за и против // Голос Америки. Веб-сайт. 2009. 14 января. URL: <http://www.golos-ameriki.ru/amp/a-33-2009-01-14-voa33/630526.html> (дата обращения: 16.05.2017).
15. Россия и мир: 2017. Экономика и внешняя политика. Ежегодный прогноз / А.А. Дынкин, В.Г. Барановский. М.: ИМЭМО РАН, 2016. 164 с.
16. *Садьков Р.К., Власова Р.Г., Хайдарова Н.З.* Минерально-сырьевой потенциал регионов как фактор их конкурентоспособности // Георесурсы. 2004. № 1(15). С. 16–17.
17. *Фахрутдинов Р.* Монголию возглавил олигарх // Газета.ру. 2017. 8 июля. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2017/07/08_a_10778426.shtml (дата обращения: 25.11.2017).
18. *Шмат В.* Ресурсный национализм: уроки Третьего мира // Мировая экономика и международные отношения. 2015. № 1. URL: http://www.imemo.ru/jour/meimo/index.php?page_id=756&id=6472 (дата обращения: 16.05.2017).
19. *Vochove D.* World's Richest Mines Slipping From Hands of Multinationals // Bloomberg. 2017. 4 September. URL: <https://www.bloomberg.com/news/articles/2017-09-04/world-s-richest-mines-slipping-out-of-hands-of-multinationals> (дата обращения: 20.09.2017).
20. *Brown T.J., Idoine N.E.* World Mineral Production 2011–2015 // British Geological Survey. 2017. URL: <http://www.bgs.ac.uk/mineralsuk/statistics/worldStatistics.html#> (дата обращения: 10.10.2017).
21. *Elliott II V.M., Hartarska V., Bailey C.* Natural Resources Endowment and Economic Growth in the Southeastern United States. P. 6–8. URL: <http://ageconsearch.umn.edu/bitstream/9990/1/sp07el01.pdf> (дата обращения: 10.10.2017).
22. Fragmentation or Cooperation in Global Resource Governance? A Comparative Analysis of the G-20 / H.G. Hilpert, S.-A. Mildner (eds.) // SWP Research Paper / SWP; BGR. Berlin. 2013. March. URL: https://www.swpberlin.org/fileadmin/contents/products/research_papers/2013_RP01_hlp_mdn.pdf (дата обращения 10.10.2017).
23. Global R&D Funding Forecast: A supplement to R&D Magazine / Industrial Research Institute (IRI). 2017. Winter. P. 21–25. URL: http://digital.rdmag.com/8f-13247080c532c491b4ff5070dcfaf0/5a40fad9/researchanddevelopment/2017_global_r_d_funding_forecast/data/global_rd_funding2017-dl.pdf?lm=1487016751000 (дата обращения: 18.08.2017).
24. *Jalloh M.* Natural resources endowment and economic growth: The West African Experience // Journal of Natural Resources and Development. 2013. No. 3. URL: https://www.researchgate.net/publication/307789607_Natural_resources_endowment_and_economic_growth_The_West_African_Experience; (дата обращения: 12.10.2017).
25. *Karabegovic A.* Institutions, economic growth, and the "curse" of natural resources // Studies in Mining Policy. 2009. July. P. 5. URL: <https://www.fraserinstitute.org/sites/default/files/CurseofNaturalResources2009.pdf> (дата обращения: 21.08.2017).
26. *Lusty P.A.J., Gunn A.G.* Challenges to global mineral resource security and options for future supply // Geological Society. London. P. 265–276. URL: <https://doi.org/10.1144/SP393.13>; <http://sp.lyellcollection.org/content/393/1/265> (дата обращения: 20.02.2017).

27. The Rise of Resource Nationalism: A Resurgence of State Control in an Era of Free Markets Or the Legitimate Search for a New Equilibrium? // Southern African Institute of Mining and Metallurgy. Cape Town. 2012. February. URL: <http://www.saimm.co.za/Conferences/ResourceNationalism/ResourceNationalism-20120601.pdf> (дата обращения: 05.11.2017).

28. Top 50 Biggest Mining Companies // Mining.com. 2017. 3 April. URL: <http://www.mining.com/autor/frik> (дата обращения: 24.04.2017).

29. *Tull D.M.* Africa South // Fragmentation or Cooperation in Global Resource Governance? A Comparative Analysis of the G-20 // SWP Research Paper / SWP; BGR. Berlin. 2013. March. P. 125–127. URL: https://www.swp-berlin.org/fileadmin/contents/products/research_papers/2013_RP01_hlp_mdn.pdf (дата обращения: 10.10.2017).

30. *Zilla C.* Argentina // Fragmentation or Cooperation in Global Resource Governance? A Comparative Analysis of the G-20 // SWP Research Paper / SWP; BGR. Berlin. 2013. March. P. 24–29. URL: https://www.swpberlin.org/fileadmin/contents/products/research_papers/2013_RP01_hlp_mdn.pdf (дата обращения: 10.10.2017).